

С. А. ЗАГРУБСКИЙ,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат философских наук

ЭКОЛОГИЯ ИНТЕЛЛЕКТА

Понятие «экология» было введено в качестве указания — или напоминания — о всеобщей связи явлений в природе и обществе. Но в наше время оно стало символом озабоченности о чистоте — поскольку проблема загрязнения (не будем констатировать, или ограничивать — загрязнения чего именно) воспринимается как проблема общая и даже глобальная. Именно в этом аспекте мы говорим об экологии интеллекта, как о проблеме достижения его чистоты, что также представляется проблемой глобальной.

Молодой человек спрашивает: какое мнение считать истинным, если мнений по любому вопросу так много и зачастую они прямо противоположны. Религия — путь к спасению или опиум для народа; думать надо в первую очередь о себе или о других; демократия — это условие социальной справедливости или причина социальной неустойчивости; добро — это... По поводу добра, морали, смысла жизни и социальных ценностей ответов не только «много», но у людей иногда возникает ощущение, что для каждого момента жизни, личной или общественной, допустимо свое отдельное понятие этих ценностей, необязательное для других моментов.

Добавим сюда постоянное стремление и право каждого человека защищать и утверждать свою индивидуальность, свою неповторимость. Причем надо подчеркнуть — именно ощущение *права* на индивидуальность, что после столетий разного рода авторитарных, тоталитарных режимов правления воспринимается как некая естественная привилегия всякого человека.

Вообще говоря, создается ощущение, что некоторое «опьянение» свободой касается не только людей молодых, могущих быть безответственными просто в силу возраста, но и людей вполне взрослых, размышляющих и пишущих книги для научения других. Ярче всего это проявляется в упорном нежелании пользоваться марксистскими наработками, очевидно, по причине их недавней обязательности. Однако подобная причина может разве что оправдать симпатии и антипатии, но не служить рекомендацией или помощницей при поисках ответов на вопросы жизни и при размышлениях вообще. В то же время, подобная интеллектуальная ориентация, — то есть стремление с чем-то обязательно не соглашаться, — далека от науки в не меньшей степени, чем необходимость обязательно к чему-то присоединиться. И то, и другое содействует

засорению сознания, искажению истины и загрязнению интеллекта. В обоих случаях возникает потребность в его — интеллекта — очищении. Возникает проблема, которую можно назвать экологической.

Людям, старающимся разобраться и не заблудиться в чаще множества мнений, можно дать, очевидно, один совет: ищите обоснование каждому мнению, не допускайте эмоций и вкусовщины в области познания. И тогда многие мнения расположатся в вашем сознании в некоей иерархической последовательности по степени и глубине их обоснованности.

Помимо ощущения интеллектуального комфорта и достижения порядка в собственном сознании процедура обоснования границ применимости того или иного мнения, той или иной оценки позволит сохранить для себя богатство и тех мнений, которые не выдерживают испытания на обоснованность. Скорее всего, границы применимости таких слабо обоснованных мнений нешироки, но, зная им «цену», не абсолютизируя их, можно четко выявить условия и место их применения, расширить свою способность понимать и отдельных людей, и социальные явления вообще.

Тем не менее, подобной рекомендацией проблема очищения интеллекта не снимается, потому что она просто перемещается в другую сферу: как найти искомое обоснование, на что опереться при выборе этого «обоснования»? И разве каждый, кто какое-то мнение формулирует, не обосновывает его каким-либо образом? И разве — зачастую — не по поводу именно обоснований спорят друг с другом ученые, и не в оценке ли ценности оснований расходятся друг с другом мыслители?

Основание принимаемым мнениям необходимо изыскивать в чем-то таком, с чем должны бы были соглашаться люди вне зависимости от любых привходящих обстоятельств: ни возраст, ни вкусы, ни время или место жизни не должны восприниматься при таком рассуждении как повод и право не принять выводов. Или, проще говоря, мы должны в этом рассуждении формулировать такие утверждения, с которыми должен был бы согласиться и Александр Македонский, и Шекспир, и наш современник любой национальности, обладающий любым социальным статусом. В качестве первого безусловного утверждения я предлагаю следующее. Все общества всегда состояли только из живых лю-

дей. Но ведь и улей состоит из пчел, а лес — из деревьев. Продвинулись ли мы с помощью первого утверждения? Необходимо еще одно: люди преисполнены способностей, требующих своей реализации. Эти способности создаются в нас природой, мы не можем создавать их в себе так же точно, как не можем создать в себе какую-либо часть тела, можем только развивать их или притушивать. С целью и в надежде на реализацию их люди объединяются в общество. Все остальное (в социальной, конечно, области) появляется, рождается, а впоследствии определяется этими двумя совершенно простыми и явными первопричинами.

Целый ряд выводов следующего порядка может быть сформулирован из этих первопричин, и потому к ним приходится возвращаться часто. Мне представляется наиболее важным осмысление сущности и содержания всего исторического процесса. При этом осмыслении, как и в дальнейшем, мы будем придерживаться одного требования: логической непротиворечивости. Реальные исторические явления и процессы будут служить нам только иллюстрацией к сделанным предварительно логическим умозаключениям. Так что содержание и сущность исторического процесса мы обозначим сначала в виде непротиворечивого предположения. Поскольку в обществе люди сходятся в стремлении реализовать свои способности, — что, конечно, они редко осознают, — то они ожидают от общества соответствующих условий (это, как правило, осознается). Однако в первичных общественных объединениях, как это легко принять без возражений, никаких особых «условий» быть не могло. До сих пор нам хотелось бы встретить в современных обществах гораздо больше условий развития собственных наших способностей. И потому логически непротиворечиво следующее утверждение: во все времена и везде в обществах существует дефицит условий реализации способностей составляющих это общество людей. А в атмосфере дефицита с необходимостью устанавливаются два процесса: распределение и дележ.

Под *распределением* будем понимать попытку обеспечения равенства и справедливости, а под *дележом* — деятельность людей в стремлении захватить себе побольше, полностью игнорируя интересы других и понятия о справедливости. Кстати, наиболее наглядным подтверждением осознания обоих этих процессов в общественной жизни выступает наличие гражданского и уголовного законо-

дательства в юстиции всех народов. А что касается исторического процесса, то пока распределять практически нечего, торжествует процесс дележа, и немногие преуспевшие в нем составляют верхний, правящий слой, куда изо всех сил пытаются никого больше не допускать настолько, что если мы где-либо в истории обнаруживаем расширение социальных границ, то можем быть заранее уверены, что до этого произошло (или сейчас именно происходит) расширение условий реализации способностей людей.

Вообще расширение условий реализации человеческих способностей мыслимо только как результат расширения, развертывания, развития хозяйственной, научной и прочих сфер общественной жизни, — и потому такое понятие, как равенство, хотя и завоевывается всегда в борьбе, но всегда же представляет собой лишь результат достигнутого общего развития именно хозяйственного. Почему и когда эмансипировали женщин? Почему вдруг освободили крепостных и когда? Почему и когда протестантизм смог разорвать скрепы религиозной монополии? Почему, когда и зачем введена была в России «Табель о рангах»? Все вышеперечисленные процессы, на первый взгляд такие разные и во всяком случае разновременные и разноместные, имеют своей причиной одинаковые основания.

Принятие двух первичных утверждений позволяет нам сделать целый ряд непротиворечивых утверждений по вопросам, традиционно воспринимаемым как «вечные» или даже «безответные» — вроде смысла жизни, добра и зла, морали и традиции и т. п.

Достижение экологической чистоты интеллекта не может восприниматься как некий одноактный процесс наподобие очистки авгиевых конюшен. А потому и проводимая экологическая работа заключается не в одном только показе логически безупречного основания какого-либо вывода, но в рассмотрении также многих отличающихся мнений и совместного поиска условий, в которых это «отличающееся» мнение может быть верным.

Таким образом, интеллектуальная чистота в конкретных людях строится не путем откидывания других мнений — и тем самым как бы отстранения себя «безгрешного» от «грешной» земли с ее заблуждающимися людьми (традиционная претензия всех «особенных», эзотерических учений), а путем их адекватного осознания. И потому борьба за чистоту интеллекта является также борьбой за его обогащение.